

Община Св. Великомученицы Екатерины ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ЛИСТОК № 5-2008 (30)

Преподобномученица Мария (Скобцова)

Типы религиозной жизни. (часть I)

От редактора: нижеприведенный текст м. Марии, был одним из многих написанных ею в 30-е годы прошлого столетия, когда революционное крушение обнажило ошибки прошлого и сделало необходимым переосмысление путей Церкви в дореволюционной России. Однако, тогда известность этого текста не распространилась далее узкого круга русских эмигрантов. Рукопись была повторно «открыта» и широко опубликована лишь в конце 90-х годов, после падения советского режима и освобождения Русской Церкви, в новой узловой точке русской церковной истории.

Если мы начнем изучать историческое место, на котором мы находимся, или вернее, те исторические типы благочестия, которые сейчас выработало наше историческое положение, то мы сможем объективно и беспристрастно увидеть разные категории лиц, неодинаково понимающих религиозное призвание человека. Каждая категория имеет свои положительные и свои отрицательные черты. Очень вероятно, что только сумма их дает правильный облик многогранной христианской жизни. С другой стороны, классифицируя типы религиозной жизни в православии, надо иметь всегда в виду, что наряду с отчетливыми и законченными представителями того или другого типа, большинство людей представляют из себя некое смешение двух, а зачастую и большего количества типов религиозной жизни. Классифицируя и определяя, очень трудно удержаться в рамках беспристрастия и объективности, потому что в жизни каждый человек притягивается к ему свойственному пониманию христианства и отталкивается от понимания ему чуждого. Тут можно только хотеть сделать все усилия, чтобы избежать такой пристрастности.

Если, наблюдая верующих людей, вести с ними беседы, читать разнообразные книги и журналы, посвященные духовным вопросам, то сразу бросится в глаза невероятная многогранность понимания духовной жизни. Если же попытаться свести это разнообразие к каким-то более или менее определенным группам, то мне кажется, что в данный момент эти группы таковы: в православии существует

- 1 - синодальный тип благочестия,
- 2 - уставщический тип,
- 3 - эстетический,
- 4 - аскетический и
- 5 - Евангельский.

Конечно, такое подразделение до некоторой степени условно. Жизнь гораздо сложнее. Очень вероятно, что есть и другие категории, которые мне не удалось почувствовать. Но такое условное подразделение очень помогает в понимании многих явлений нашей жизни и до известной степени дает возможность разобраться в собственных симпатиях и антипатиях, в собственном духовном пути. У каждого духовного типа есть своя, подчас очень сложная история, свой собственный генезис, каждый определяется разнообразнейшими условиями своего возникновения. Человек не только по внутреннему тяготению оказывается в одной или другой группе, но как бы и предопределяется к ней той средой, из которой он вышел, воспитанием, научением, влияниями. Попробуем характеризовать каждую категорию с точки зрения ее исторического возникновения, попробуем характеризовать ее нравственные свойства, ее быт, даже ее искусство, силу ее распространения, творческие возможности, заложенные в ней, ее соответствие современным задачам церковной жизни.

Первым стоит у меня синодальный тип благочестия.

Эмиграция нахлынула на Европу, можно сказать, еще не остыв от борьбы, в страстном кипении вражды, со страстно отстаиваемыми идеалами великой неделимой

России, белой идеи и т.д. Она увезла из России не только свой нищенский скарб, не только штывы и знамена полков, но и походные церкви, натянутые на подрамники полотнища иконостасов, сосуды, облачения. И, оседая в чужих землях, она организовывала не только отделения Общественного Союза, но и свои церкви. У многих церковь была живой потребностью их душ. У многих, — каким-то неизбежным атрибутом великодержавной русской идеи, без которой трудно говорить о своем национализме, о своей верности традициям и заветам прошлого. Церковь

определяла известную политическую и патриотическую благонадежность. Ее внутренний смысл как-то не задевал внимания, — важно было, что в годовщины трагических смертей национальных героев, или в годовщины основания славных полков, в церкви можно было устраивать торжественные и суровые демонстрации своего единства, своей верности старым заветам, — служить молебны и панихиды, становиться на одно колено при пении вечной памяти, объединяться вокруг старшего в чине. Зачастую тратили огромное количество изобретательности и энергии, чтобы из консервных банок соорудить семисвечник или кадило, чтобы приспособить какой-нибудь сквозной барак под церковь. Ее существование было обязательно, только мотивы этой обязательности носили зачастую не церковный, а национальный характер.

Если мы будем разбираться в том, откуда такое отношение пошло, то без труда найдем корни его в предшествующей церковной эпохе, в периоде синодального существования. Со времени Петра Великого наша русская православная Церковь стала атрибутом русской великодержавной государственности, стала ведомством среди других ведомств, попала в систему государственных установлений, и впитала в себя идеи, навыки и вкусы власти. Государство оказывало ей покровительство, карало за церковные преступления и требовало проклятий за преступления государственные. Государство назначало церковных иерархов, следило за их деятельностью при помощи обер-прокурора, давало Церкви административные задания, внедряло в нее свои политические чаяния и идеалы.

За двести лет существования такой системы самый внутренний состав Церкви видоизменился. Духовная жизнь отошла куда-то на задний план, а на поверхности было официальное, государственно-признанное вероисповедание, выдававшее чиновникам удостоверение о том, что они исповедовались и причащались, — без тако-

го удостоверения чиновник не мог почитаться благонадежным с точки зрения государства. Система вырабатывала особую религиозную психологию, особый религиозный тип людей, особый вид нравственных устоев, особое искусство, быт. Из поколения в поколение люди приучались к мысли, что Церковь является необходимейшим, обязательнейшим, но все же лишь атрибутом государства. Благочестие есть некая государственная добродетель, нужная лишь в меру государственной потребности в благочестивых людях. Священник есть от государства поставленный надсмотрщик за правильностью отправления религиозной функции русского верноподданного человека, и в таком качестве он лицо хотя и почтенное, но во всяком случае не более, чем другие лица, блюдущие общественный порядок, военную мощь, финансы и т.д.

В синодальный период совершенно поражающе отношение к духовенству, — всякое отсутствие особого его выделения, даже скорее держание в черном теле, непущание в так называемое общество. Люди раз в год исповедовались, потому что так полагалось, венчались в церкви, крестили своих детей, отпевали покойников, отставивали молебны в царские дни, в случаях особого благочестия служили акафисты, — но Церковь была сама по себе, — туда шли, когда это полагалось, — и вовсе не полагалось превеличивать своей церковности, — это, может быть, делали одни славянофилы, своим отношением слегка изменяя заведенный, формальный, казенный тон приличного отношения к Церкви. Естественно, что синодальный тип благочестия опирался в первую очередь на кадры петербургской министерской бюрократии, что он был связан именно с бюрократией, — и так по всей России распространялся через губернские бюрократические центры, до представителей государственной власти на местах.

Вся система предопределяла то, что самые религиозно-одаренные и горячие люди не находили в ней себе места. Они или уходили в монастыри, стремясь к полному отрыву от всякой внешней церковной деятельности, или же вообще подымали мятеж, бунтуя зачастую не только против данной церковной системы, но и против Церкви. Так развился у нас антирелигиозный фанатизм наших революционеров, столь похожий в своей первоначальной стадии на огненное горение подлинной религиозной жизни. Он втягивал в себя всех, кто жаждал внутреннего аскетического подвига, жертвы, бескорыстной любви, бескорыстного служения, — всего того, что официальная государственная Церковь не могла людям дать.

Надо сказать, что в этот синодальный период и монастыри так же подверглись общему процессу разложения духовной жизни, на них, на их нравах и быте так же чувствовалась всеильная рука государства, они становились одной из официальных ячеек общецерковного ведомства.

Так в Церкви оставались главным образом лишь теплехладные, лишь умеющие мерить свой религиозный порыв, умеющие вводить запросы души в систему государственных ценностей. Вырабатывалась таким образом и система нравственных идеалов. Высшей ценностью был, пожалуй, порядок, законопослушность, известная срединность, вместе с тем довольно ярко выраженное чувство долга, уважение к старшим, снисходительная забота о младших, честность, любовь к родине, почитание власти и т.д. Никаких особых полетов не требовалось. Творчество было нивелировано слаженностью и общей направленностью государственной машины. Подвижники как-то не появлялись в губернских кафедральных соборах. Тут действовали иные люди, — отцы настоятели, спокойные, деловитые соборные протоиереи, знающие прекрасно службу, старающиеся обставить ее пышно и благолепно, в соответствии с пышностью и благолепием огромного храма, прекрасные администраторы и организаторы, хозяева церковного имущества, чиновники синодального ведомства, люди почтенные, добросовестные, но не вдохновенные и не творческие.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

КИРИЛЛ ИЕРУСАЛИМСКИЙ (†386)

На месте еврейского Иерусалима римляне воздвигли новый город, Элия Капитолина. Вместо Храма явился Капитолий, посвященный трем римским богам - Юпитеру, Юноне и Минерве; следы этого Капитолия можно обнаружить и поныне. На том месте, где был распят и погребен Христос, воздвигли храм Венеры. Несмотря на все эти преобразования, христиане, сплоченные вокруг своих епископов Нарцисса, Александра и их преемников, продолжали собираться в той самой церкви, где Господь провел тайную вечерю. Епископ Кесарийский Евсевий, престол которого был неподалеку, между Яфрой и Хайфой, посвятил несколько произведений библейской географии; он же поведал об испытаниях, постигших тамошних христиан во время диоклетиановых гонений, в своей книге «Палестинские мученики».

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

После Миланского эдикта 313 г. изменилось многое. В тот самый год и родился - предположительно в Иерусалиме или в окрестностях города - Кирилл, коему суждено было стать украшением здешней епархии. Когда собрался Никейский собор, ему было двенадцать лет. Мы почти ничего не знаем о его семье и воспитании. Судя по его ораторскому искусству, он учился в хорошей школе. Он был ловким импровизатором и умел, когда надо, отделять свой слог. Гениальностью он не отмечен, но талантом наделен безусловно.

В византийских богослужебных «Минеях» дается описание его внешности, неизвестно кем и когда составленное: росту среднего, бледен, слегка курнос, брови нависшие, волос долгий, белая борода густа у щек и разделена на подбородке, «вполне крестьянского облика». Может, он и был простоват с виду, но его слог и остроумие пленяли жителей Тарса, а они слыли просвещенными и взыскательными слушателями. Вообще об облике его лучше судить по сочинениям, а не по этому скорее всего вымышленному описанию.

Во времена Константина епископом Иерусалимским был Макарий. Он присутствовал на Никейском соборе и с позволения императора предпринял в Иерусалиме первые раскопки, открыв место пресвятого погребения. Оповещенный об этом император повелел воздвигнуть на новообнаруженной Голгофе громадный собор с подводящей к нему колоннадой. Позади храма, в большом квадратном дворе, украшенном портиками, соорудили особое здание, где хранились останки Креста. К западу находилась ротонда над Пресвятым Гробом и церковь Воскресения. Именно здесь Кирилл произносил свои знаменитые поучения. Элия опять стала Иерусалимом.

Макария сменил Максим. Это был старый боец, его еще кесарь Максимин Дайя послал в рудники, он вернулся оттуда крив и хром. Престол иерусалимский и поставленный над ним кесарийский соперничали издавна, главы этих двух епархий редко бывали согласны во мнениях. К концу жизни Максим сделался пылким приверженцем Афанасия, и когда тот возвратился с Запада, устроил ему торжественную встречу. Это, разумеется, пришлось не по вкусу кесарийскому архиепископу Акакию.

Среди городского духовенства был священник, который стяжал особую славу своим красноречием. Это и был Кирилл. Простой священнослужитель, он замещал на великопостных чтениях епископа, подготавливая оглашенных к крещению. Наставления, которые, по счастью, дошли до нас, вполне оправдывают его репутацию. В 350 г., по смерти Максима, Кирилл с соблюдением всех формальностей и с согласия архиепископа принял иерусалимскую епархию.

В следующем, 351 году, 7 мая, в небе над Иерусалимом явилось сияющее знамение: все видевшие его различили очертания креста. Кирилл поспешил оповестить об этом императора. Казалось бы, такое событие нельзя не считать добрым предвестием для нового епископа.

Однако незамедлительно воследовали раздоры между Кириллом и архиепископом кесарийским Акакием: вероятно, спор возник о старшинстве. Никейский собор обошел этот вопрос, явно не желая обострять ситуацию. Согласно историку Созомену, хлопот Акакию с нижестоящим епископом было в досталь. Кирилл старался избавиться от такого главенства как несовместного с апостольской преемственностью иерусалимского престола. Акакий, в свою очередь, обвинял Кирилла в распродаже церковных сокровищ во время голода ради телесных нужд верующих. На сцене будто бы видели актрису, облаченную в ткань, подаренную Макарию Константином. Обвинение за версту отдавало клеветой.

ИЗГНАННИК

На самом же деле Акакий сошелся с арианами. Его весьма жаловали при дворе, и он воспользовался этим, чтобы созвать синод и сместить Кирилла. Тот не собирался отступать: он опротестовал решение, на его взгляд несправедливое, и подал жалобу. Тогда Акакий сам явился в Иерусалим с воинским отрядом, низверг епископа с престола и вооруженной рукою поставил во главе епархии арианина (357 г.). Кирилл был изгнан в том же году, что и собрат его Иларий Пиктавийский.

Епископ Иерусалимский нашел приют сначала в Антиохии, затем в Тарсе. Здешний епископ Сильваний, хотя и склонялся к арианству, но принял Кирилла и предоставил ему возможность священствовать и проповедовать. Проповеди снискали ему большую популярность.

Но через несколько месяцев на Константинопольском соборе, где председательствовал Акакий, Кирилл снова был смещен. Подобно Афанасию, он воспользовался политикой императора Юлиана, чтобы вернуться к своей пастве в 362 г.

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», начало в №1-2006.

На иллюстрации: Храм Воскресения в Иерусалиме, современный вид.

На этом испытании для него отнюдь не кончились. При императоре Валенте он был снова изгнан: это, кстати, прямое подтверждение, что его считали непримиримым врагом арианства. Престол был возвращен ему лишь в 378 г.: его изгнание длилось одиннадцать лет. Константинопольский собор 381 г., участником которого он был, торжественно признал его законным епископом. Он мужественно и до конца претерпел гонения за истинную веру.

По возвращении ему пришлось вплотную столкнуться с тяжкими последствиями многолетнего разброда и шатаний. Григорий Нисский описывает тогдашний Иерусалим в чрезвычайно мрачных красках. «Нет такого нечестия, - пишет он в 378 г., - какое не являлось бы здесь во всем своем бесстыдстве. Непотребства, прелюбодеяния, кражи, идолопоклонство, отравления, клевета, убийства, - словом, нет такого зла, какое бы здесь не укоренилось».

Многим в этом городе, раздираемом враждой между арианами и сторонниками ортодоксии, казалось, что и сам Кирилл не вполне безгрешен. Годы спустя Иероним сообщает, что в монастырских обителях все еще бытуют самые несообразные сплетни об особе епископа. Его укоряли, будто он знался с полуарианами, хотя Константинопольский собор, вовсе не склонный к попустительству, утвердил, что «достопочтеннейший и благочестивейший Кирилл» «не жалел сил в борьбе с арианами».

Дело же, несомненно, состояло в том, что Кирилл, подобно Иларию, был человеком сдержанным и миролюбивым: в своей приверженности православию он был не настолько ретив, чтобы забывать долг милосердия и попечение о единстве. Самыми чистосердечными и мужественными на поверку оказываются вовсе не те, кто громче всех кричит.

Последние годы Кирилл посвятил заботам о восстановлении мира и единения, о восполнении урона, нанесенного лихолетьем. Он неустанно пекся о единстве веры. «Заблуждение многопревратно, - любил повторять он, - у истины же единственный облик». Он умер 18 марта 386 г. Из тридцати восьми лет своего иерусалимского епископства шестнадцать он провел в изгнании. В 1893 г. Лев XIII провозгласил его учителем Вселенской церкви.

Епископу Иерусалимскому выпало принять непосредственное участие в борьбе с арианством. По натуре он был скорее миротворцем; воителем его сделали обстоятельства. Проявив в распри с Акакием резкость и непримиримость, он не просто отрицал его право на старшинство, он защищал веру: ради нее и пондобилась твердость. Впрочем, и по складу своему он был скорее тверд и определен, чем переменчив и гибок. Мужественный склад его души явственно сказался в проповедях. В них чувствуется бодрящее и живительное дыхание той веры, что создала Церковь апостолов и мучеников.

НАСТАВНИК

Лучше всего он нам известен как наставник по 24 поучениям, изъясняющим истины веры, а также учение о трех таинствах христианского посвящения: крещении, миропомазании и причащении. В них явлен живой образец тогдашнего религиозного воспитания. Наставления Кирилла помогают нам живо представить, какой была литургия в Иерусалиме IV века.

Большая часть поучений произнесена в храме Гроба Господня; некоторые - в церкви (ротонде) Воскресения. Подлинность пяти заключительных поучений, именуемых тайноводственными (они служат введением в смысл св. Таинств - крещения, миропомазания, причащения), оспаривается; на этот счет имеются вполне серьезные сомнения. Однако их разделяют далеко не все историки.

Наставления начинались в первый великопостный понедельник и читались ежедневно - за исключением, разумеется, субботы и воскресенья - до самого крещения. Изъяснялось Священное Писание, история искупления в ее важнейших эпизодах и апостольский Символ веры. В пасхальную ночь оглашенные принимали крещение и миропомазание и причащались. На пасхальной неделе наставления завершались разъяснением обрядов христианского посвящения (тайноводственное оглашение).

В начальных проповедях Кирилл разъясняет чающим принятия в лоно Церкви, какой решительный поворот их жизни, и бытовой и нравственной, означает обращение в христианство. Как и в первом христианском катехизисе (Didache), особое ударение делается именно на этой, нравственно-бытовой стороне обращения.

Четырнадцать следующих поучений комментируют Символ веры, причем особое внимание уделяется троичности Божества. На сей предмет Кирилл не ограничивается богословскими формулами об Отце, Сыне и Духе Святом, но замечательным образом пытается показать, как учение о троичности предопределяет всю жизнь христианина. Устремляясь к Отцу, мы приближаемся к тайне Богопознания, к Тому, кто соделал нас Своими сынами и дочерьми. Христос есть «наш Спаситель, разный для каждого, ибо каждый ищет в Нем себе надобного». Он - все для всех, и однакож неизменен, всегда таков, каков есть. «В Духе мы

близимся к тайне Церкви, освящающей и сохраняющей». И жизнь верующего преобразуется: «Представьте себе жившего в потемках; и вдруг он узрел солнце, и взгляд его просветлел, и чего не видел раньше, ясно видит теперь. И так со всяким, кто удостоился воспринять Духа Святого: душа у него озаряется, и он видит превыше человеческого, что доселе было ему незаметно» («Поучения», 16, 16).

Пять заключительных проповедей содержат учение о таинствах христианского посвящения и разъяснение обрядов как уроков, преисполненных скрытого смысла. В воде, например, уясняется сила разрушительная и живительная. Епископ связывает всякое таинство с событиями и лицами Ветхого Завета, как то и было принято в поучениях IV века.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Толкования Кирилла отличаются ясностью и прямоотой. Несколько упрощенный язык и доверительный тон вполне пристали такого рода вступительным поучениям. Иногда появляется возвышенная интонация, слог становится изысканным: Кирилл явно брал уроки ораторского искусства. Как правило, он пытается приобщить обыденное сознание к высоким истинам веры. «Не жди, пока ослепнешь, чтобы прибегнуть к врачу». Или: «Пусть будет откована душа ваша, пусть отверделое неверие рассыпется под ударами молота, металл очистится от окалины, ржа осыпется и останется чистое железо».

В другом месте он сближает празднество Пасхи и рождение весны, дабы разъяснить чающим крещения смысл рождения заново. «В такое-то время и был сотворен человек-ослушник, изгнанный из рая; и в такое же время он обрел веру и вернулся в рай путем послушания. Стало быть, и спасение, и грехопадение свершились в одно и то же время года, когда распустились цветы и настало время подрезать виноград».

Епископ Иерусалимский знал людей и не удивлялся человеческой ограниченности и слабостям. Знал он и то, что обращение подчас вызвано самыми случайными мотивами. Иные только затем и собрались креститься, чтобы поправить жену или друга. Пусть их; защищая православие, Кирилл неуступчив, но к человеку подходит с пониманием. «Я готов принять и тебя, который пришел сюда, не слишком размыслив, ибо ты предназначен ко спасению, я имею на это прочное упование. Может статься, тебе самому неизвестно, куда ты пришел и в какие пути уловлен. Ты оказался в сетях Церкви. Не бейся и не пытайся их избежать. Сам Иисус уловил тебя, и не ради смерти твоей, но дабы даровать тебе жизнь во одоление смерти. Его силою умрешь и воскреснешь. Внимите же словам апостола: «Тело мертво для греха, но дух жив для праведности» (Рим 8, 10). Так умри же для грехов своих и живи для праведности; отныне и живи». Наставление выразительное и определенное, неотделимое от Писания, которое цитируется в качестве источника.

В огласительных поучениях Кирилла соблюдено прекрасное равновесие. Он не впадает в обычные для эпохи преувеличения, не поносит брак и плоть, как это делал порой Иоанн Златоуст. Он не унижает тело, а видит в нем чудо творения. Все поучения его проникнуты разумным оптимизмом. Кирилл - тонкий наблюдатель; он становится поэтом, когда воспекает цветы и весну.

Он всем обязан Священному Писанию, питавшему его долгие уединенные размышления, цитаты из Библии естественно не сходят у него с языка. «Так что же делать? Что нужно от новообращенного? У кого две одежды, тот дай неимушному» (Лк 3, 11).

Приходится сожалеть, что до нас не дошла ни одна из проповедей Кирилла, произнесенных по возвращении в Иерусалим. Надо думать, он стал еще более опытным наставником. Ему было дано исповедать веру, которую он изъяснял оглашенным, и претерпеть за нее. Вера его окрепла, а дух смягчился. Он познал на опыте, что истину без милосердия можно назвать полузрячей.

Поучения Кирилла сохраняют свою ценность и поныне. Они настоятельно надобны всякому, кто, приняв всерьез задачу «обновления» литургии, стремится обратить вероучение к первоисточникам и сохранить пафос новообращенности во всей жизни христианина.

Кирилл дает оглашенным - в поучение им - общеобрядовое разъяснение обедни.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОБЕДНИ

(Тайноводственные поучения, № 5, 1 - 10, 19-23). Из 1 Петр: «Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство и лицемерие...» (и т. д., 2, 1 - 10).

1. По милости Божией довелось вам услышать на предшествующих собраниях достаточно и о крещении, и о миропомазании, и о приятии тела и крови Христовой. Следует нам теперь продолжить сии поучения; нынче мы опишем вершину здания духа, ради вас воздвигнутого.

2. Омовение

Вы видели, как диакон подал чашу для омовения священнику, служащему обедню, и другим вокруг алтаря. Не для того это было, чтоб смыть телесную нечистоту, не в том дело; с омытыми телесами приходим мы во храм. Это же омовение рук означает, что должно очиститься от всякого проступка и от всякого греха. Руками чинится действие и, омыв их, мы свидетельствуем, что деяния наши чисты и безупречны. Или не слышал ты, как благочестивый Давид изъяснял нам тайну сию, говоря: «Буду омыват в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи» (Пс 25, 6). Итак, омовение рук означает отвержение греха.

3. Лобзание мира

Затем диакон возглашает: «Обратимся же друг ко другу и обнимемся между собой». Не думай, что поцелуй сей таков же, каким обнимаются друзья, встретившись на людях. Нет, это вовсе не тот поцелуй. В целовании сем происходит слияние душ, им достигается обоюдное и полное забвение обид. Поцелуй сей есть знак душевного единения, чуждого всякому злопамятству.

Вот почему и Христос сказал: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойдй прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф 5, 23 - 24).

Сей поцелуй являет примирение, потому-то он и свят, как о нем объявил св. Павел, говоря: «Приветствуйте друг друга святым целованием» (1 Кор 16, 20). А также и св. Петр: «Приветствуйте друг друга лобзанием любви» (1 Пет 5, 14).

4. Sursum corda

И тогда священник возглашает: «Вознесем сердца горе». И поистине должно в сей великий час вознести сердца наши к Богу, оторвав их от низменных земных дел и помыслов. Этими словами священнослужитель призывает нас оставить в

час сей все жизненные попечения и заботы о доме и возвысить сердца к небесам, к Богу всемилостивейшему. Вы тут же ответствуете: «Обратим их ко Господу», и тем выражаете свое согласие и послушание его призыву.

И да не будет среди вас таких, кто, говоря устами: «Обратим их ко Господу», в помыслах своих будет занят земными заботами. И во всякое время, разумеется, мы должны помышлять о Боге, но если уж слабость человеческая и мешает нам думать о Нем непрестанно, то хоть в час сей мы должны устремляться к Нему как нельзя более.

5. Затем священник говорит: «Возблагодарим Господа». И в самом деле, сколь должно нам возблагодарить Того, Который, невзирая на всю недостойность нашу, оказал нам несравненную милость, Того, Который нас, врагов, примирил с Собою (Рим 5, 10), Того, Который признал нас достойными принять Духа усыновления (Рим 8, 15).

Вы ответствуете: «Достойно и праведно есть». Вознося благодарение Ему, мы и взаправду поступаем достойно и праведно; Он же, напротив, воздал нам превыше всякой справедливости, лишь по милости Своей признав нас достойными несравненной благодати.

6. Анафора

И затем мы призываем небеса, землю, море, солнце, луну, звезды и все создания, разумные и лишенные разума, видимые и невидимые, ангелов, архангелов, начала, господства, власти, силы, престолы и херувимов, имеющих - каждый - по четыре лица (Иез 10, 21), как бы вторя песнопению Давида: «Величайте Господа со мною» (Пс 33, 4).

Призываем также и серафимов, которых созерцал Исаия в озарении Духа Святого - кругом обступивших престол Господень, двумя крылами закрывающих лице свое, двумя - ноги свои и двумя летающих и возглашающих: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» (Ис 6, 2-3).

И повторяем сию хвалу Богу, принятую от серафимов, дабы слиться нам в хвалебном песнопении со всем небесным воинством.

7. Молитва о ниспослании Духа Божия или Эпиклеза

Освятившись сими духовными песнопениями, молимся Богу всемилостивому о ниспослании Духа Святого на Дары, возложенные на жертвенник, дабы сотворил хлеб - телом, а вино - кровью Христовой. Ибо все, прикосновенное Духа Святого, целиком освящается и преобразуется.

8. Молитва о заступничестве

Свершив сие духовное приношение, сие бескровное заклатие, призываем Бога призреть на искупительную жертву ради общего согласия Церквей, благоустройства мира, государей, воинства и соратников наших, немощных и страждущих: словом, молимся над жертвоприношением обо всех, кто имеет особую нужду в заступничестве.

9. Молитва об усопших

Затем поминаем опочивших в Боге прежде нас: сначала - патриархов, пророков, апостолов и мучеников, их же молитвой и заступничеством да услышит Бог и наше моление; затем молимся о наших святых отцах, о наших покойных святых епископах и обо всех тех, кто ранее нас пришел к последнему упокоению, ибо веруем, что возлежащая на алтаре великая и святая жертва послужит ко благу душ, за которые возносим наше моление.

10. Хочу убедить вас примером: знаю, многие говорят: «Какой толк душе от поминания в наших молитвах, в грехе или без греха она покинула мир?» А вот, например, царь изгнал каких-то людей за проступок против него, а родственники этих изгнанных смастерили ему венец и принесли во искупление за наказанных, - то разве не облегчится им наказание? Так же и мы приносим Богу наши молитвы за усопших прежде нас, пусть они даже и грешники; мы, правда, венца не мастерим, но жертвуем Христа, умерщвленного за грехи наши, дабы смягчить милосердного Бога ради них и ради нас.

19. Причастие

И затем священник говорит: «Святая святым». И святая суть жертвы на алтаре, восприявшие Духа Святого.

И вы также святы, ибо признаны достойными воспринять Духа Святого. Святая святым отыдет. Вы же ответствуете: «Един свят, един Господь, Иисус Христос». Ибо поистине один был свят от природы; мы же хоть и можем быть святы, но не от природы, а соучастием, усилием и молитвою.

20. Вы тогда слышите голос певчего, который сладостным распевом приглашает вас к соучастию в святых таинствах: «Вкусите, и увидите, как благ Господь» (Пс 33, 9). И не думайте, что о вашем телесном опыте идет речь; нет, но о вашей нерушимой вере. Ибо вкушая, как вас призывают, не хлеб и вино вкушаете, но пресуществленную плоть и кровь Христову.

21. Подойди же затем и приблизься, отнюдь не распрямляя ладони и не раздвигая пальцев, но подложивши левую ладонь под правую, содейлай словно бы трон, готовый принять Царя, и прими в горсть тело Христово, говоря: «Аминь». С осторожностью освяти глаза свои созерцанием сей святой плоти и затем вкуси ее, усердствуя, чтобы не пропало ни крохи. Если же пропадет, знай с уверенностью, что сие словно бы от плоти твоей отъято.

Скажи, в самом деле, если б уделили тебе золотого песку, разве не силился бы ты, елико возможно, уловить каждую крупинку и не претерпеть убытка? Так не надлежит ли тебе силиться еще более, дабы ни крохи не утратить из того, что дороже золота и драгоценных камней?

22. Причастившись телу Христову, приблизься затем к чаше с кровью Его. Не протирай рук своих, но склонись, почтительно и благоговейно, и освятись, причастившись также и крови Христовой; отри рукою увлажненные губы и освяти прикосновением свой лоб, глаза и другие органы чувств. И в ожидании общей молитвы возблагодари Бога, признавшего тебя достойным причаститься подобных таинств.

23. Храните обряды сии в неприкосновенности и остерегайтесь всякого против них прегрешения. И не уклоняйтесь от причастия, дабы не утратить греховною скверной прикосновенности возвышенным и святым таинствам.

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте; и все существо ваше, тело, душа и дух, да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа (1 Фее 5, 23), Его же, а также Отца и Духа Святого, есть царство и сила и слава, ныне и присно и во веки веков. Да будет так.

И.А. Ильин. ПОГИБШИЙ ДЕНЬ

Вчера у меня был потерянный день. Это случилось как-то само собою, но вечером я почувствовал всем своим существом, что день этот для меня погиб.

Как только я проснулся, мною овладели заботы: выдвинулись всевозможные жизненные затруднения, осложнения и прямые опасности, целое змеиное гнездо. Напрасно я пытался отделаться от него презрением или юмором; напрасно корил себя за робость и пессимизм; напрасно искал спокойствия в молитве. Как будто давящий туман надвинулся на мою душу; узлы не распутывались, надежды гасли. Воображение рисовало надвигающиеся беды и унижения: когда жизнью овладевают черствые фанатики, духовные идиоты, то надо готовиться ко всему. Горечь и отвращение овладели мною. Сердце судорожно сжалось и ожесточилось. Надо было бороться. И так начался этот погибший день.

Нужно было собрать все силы и проламывать стены — одну за другою. Надо было найти спокойствие в самой тревоге, сосредоточиться, все взвесить, выработать план и с достоинством встретить опасность. Надо было перейти в наступление: идти от человека к человеку, будить друзей, уговаривать жестоковыйных, заклинать врагов. Надо было доказывать бесспорное, дробить камни, плавить железо... Есть же на свете счастливые люди, которые и не подозревают, во что превращается жизнь под управлением бессердечных доктринеров, какую ложь, какую мертвость, какое опустошение и какую грязь они несут людям и что приходится переживать из-за них...

Вечером, когда я вернулся домой и все узлы оказались каким-то чудом распутанными, — я чувствовал себя смертельно усталым. Все удалось, успех превышал всякие надежды, но день был потерян.

Он был потерян потому, что сердце мое пребывало в судорожном ожесточении, а оно ожесточилось оттого, что я видел вокруг себя ожесточенный мир и не заметил, как он меня заразил и отравил. Когда сердце ожесточается, то оно уже не способно к любви: оно не поет и не светит; оскорбленное и онемевшее, оно погружается в темное молчание; в нем нет ни ласки, ни улыбки; и к молитве оно уже не способно. Оно каменеет. А когда сердце окаменело, то человек не может быть орудием Божиим; и день оказывается погибшим.

Это был погибший день потому, что я думал только о себе и хлопотал только за себя. Надо же было спастись как-нибудь из этого жизненного тупика...

Продолжение, начало на стр. 1

И соборы — венец и выражение синодального архитектурного искусства — подавляли своей монументальностью, обширностью, позолотой и мрамором, огромными куполами, гулким эхом, многопудовыми Царскими вратами, богатыми ризницами, колоссальными хорами, поющими особые, итальянские, секуляризированные песнопения. Лики икон еле виднелись, окованные золотыми и серебряными ризами. Евангелие еле подымалось диаконом, так тяжел был его оклад, и диакон читал его так, что иногда нельзя было понять ни одного слова, — да в его задачу и не входило сделать свое чтение понятным, — ему надо было начать на каких-то небывалых низах, а кончить так, чтобы окна дребезжали, показать всю мощь своего голоса. Все было одно к одному, все было слажено во всех видах церковного искусства этой эпохи, — все ставило своей целью явить мощь, богатство, несокрушимость православной Церкви и покровительствующего ей великого государства российского.

Какова была сила распространения такой церковной психологии? Конечно, нельзя думать, что это было единственным типом религиозного сознания, но вместе с тем несомненно, что все остальное пришлось бы выискивать и вылавливать, настолько подавляющ был этот тип. Особенно это ясно, если мы примем во внимание, что одновременно с таким пониманием церковной жизни и религиозных путей росло наше напряженное безбожие. Люди, по меткому замечанию Соловьева, веря в то, что человек произошел от обезьяны, полагали душу свою за други своя. Выход для любви, для жертвенности, для подвига можно было найти вне церковных стен. А внутри церкви все, что было иным, тем самым находилось в оппозиции, плыло против течения, утеснялось и умалывалось. Церковная психология опиралась на очень прочный быт, и быт этот в свою очередь питался ею. Традиция проникала во все, — от молитвы до кухни.

И все-таки... О, этот страх за свою шкуру, как будто она так необходима и драгоценна. Жизнь становится вращением вокруг себя самого, как если бы ни на земле, ни в небе не было ничего лучшего, высшего... Человек слепнет и глохнет для всего остального страдающего мира; и живая ткань Божия, ради которой только и стоит жить на земле, как бы перестает существовать для него. И день пронесется в душе, мертвый и пошлый; и уходят в прошлое, как нерасцветший цветок.

Этот день пропал для меня потому, что я боролся с людьми, я старался подчинить себе их волю, использовать их, как свое орудие, и не было во мне живой любви к ним — ни к одному. Я подходил к ним осторожно и ловко, я уговаривал и доказывал, я внушал им необходимое, но сам я оставался сухим и деловитым и только пристально и зорко рассматривал их, как каменщик рассматривает свои неуклюжие кирпичи. Мало того. Они все время были противны мне, эти жестокие, самодовольные, заносчивые выскочки; и отвращение царило в моей встревоженной душе. И отвращение это надо было скрывать; и лицемерить, и лгать, ненавидя... Куда мне девать теперь это бремя? Как мне смягчить и разбудить мое сердце? Проснется ли оно опять к любви?... Уходи же, уходи, пропащий день, чтобы можно было забыть тебя и исцелиться.

Да, день был пропащий, потому что все прекрасное и нежное на свете не существовало для меня. Птички не пели мне. Цветы не радовали мою душу и не благоухали мне. Я не видел ни одной детской улыбки. Я совсем не мечтал о красоте. Холодный ветер проносился надо мною, как над уличным фонарем. Я даже не помню, было ли вчера солнце на небе. И самое внутреннее пение мое, вечно поющее во мне о даях и глубинах, смолкло, и ручей его иссяк. Мир, как нежная тайна, мир, как живой гимн, мир, как чудо Божие — не существовал для меня. Нет, это была не жизнь; я не жил в этот день...

Он погиб для меня, потому что я не нашел ни одной нити, ведущей к Царству Божьему, и взор мой ни разу не коснулся его дивной, сияющей ткани. В такие дни жизнь лишается смысла и святости, как бы ни везло человеку и как бы удачны были его земные дела. Ибо человек строит свою жизнь не делами, а деяниями; он дышит сверхчеловеческими веяниями; он живет близкими лучами, приходящими из священной дали; он живет дыханием Божиим...

Прощай же, пропащий день. Угасай в забвении. Один-единственный дар останется мне от тебя: что я увидел твою пустоту и понял, что потерял тебя в жизни.

Из сказанного ясно, что на такой почве вряд ли можно ожидать роста творческих сил. Тут все направлено к консервированию, к охранению устоев, к повторению чувств, слов, жестов. Для творчества обязательны какие-то новые задачи, — тут их не было, — ни в области мысли, ни в области искусства, ни в области жизни. Блюди и охраняли крепко. Новшества не допускали. В творческом начале не нуждались. Синодальный тип религиозной жизни, выдвигавший наряду с духовными ценностями ценности другие, — государственные, бытовые, традиционные, — тем самым не только переставлял и путал иерархию ценностей, но зачастую просто подменял Христову любовь эгоистичной любовью к вещам мира сего. Трудно, даже невозможно видеть Христа, чувствовать охристовление жизни там, где открыто провозглашается принцип обмирщения Церкви. Этот тип благочестия не справился с непосильной задачей воздать Божье Богу, а кесарево кесарю. За свое длительное существование он все больше и больше давал торжествовать кесарю. В нем римский император победил Христа не на аренах цирка, не в катакомбах, а в минуты своего признания Царя Небесного, в минуты начавшегося подмена христианских заповедей заповедями обмирщенной государственности. К синодальному благочестию можно прийти путем воспитания, путем привычек и традиций, — но никак нельзя прийти путем вольного искания следовать по стопам Христовым.

С точки зрения исторической уже в конце XIX века эта стройная система начала давать трещины. В Церкви появился неожиданный и не очень желанный гость — русский интеллигент. Но о его роли будем говорить дальше. В начале она как-то мало внедрялась в существо церковной жизни, — это было явление прицерковное скорее.

Все изменилось решительно с момента февральской революции, и в жизни Церкви эти изменения были запечатлены Всероссийским Церковным Собором и вос-

становлением патриаршества. Но как бы ни были сильны эти изменения в историческом бытии Церкви, они конечно не могли сразу переменить психологию людей, — переиначить настроенность душ. Именно поэтому даже эмиграция унесла с собой в чужие страны память о синодальном периоде русской Церкви, ее быт, ее искусство, ее священников, ее понимание роли и значения Церкви в общем патриотическом деле.

У нас и сейчас пожалуй преобладающ синодальный тип благочестия. Это легко доказать, если мы учтем, что целая особая карловацкая группировка нашей церковной жизни живет именно этой идеологией сращенности Церкви и государства, блюдет старые традиции, не хочет замечать новых условий жизни, проповедует цезарепапизм. А ведь она не втянула всех, принадлежащих к синодальной психологии. Повсюду и везде, в обширнейших кафедральных соборах и в провинциальных барачных церквях, мы можем встретить людей, исповедующих свою принадлежность к православной Церкви, и наряду с этим исповедующих Церковь лишь как необходимый атрибут русской государственности.

Трудно иметь два мнения по вопросу о соответствии этой психологии современным задачам церковной жизни. Жизнь, во-первых, так настойчиво требует от нас творческих усилий, что никакая группировка, лишенная творческих задач, тем самым не может рассчитывать на успех. Кроме того, нет сомнений, что в плоскости исторической синодальный период кончился безвозвратно, — нет никаких оснований предполагать, что порожденная им психология надолго переживет его. В этом смысле даже не важно, как мы расцениваем такой религиозный тип, — важно одно, это то, что он несомненно умирает, ему не принадлежит будущее. А будущее ставит перед Церковью такие сложные, новые и ответственные задачи, что трудно сразу сказать, какому религиозному типу даст оно возможность творчески проявить и осуществить себя.

Продолжение следует.